

чувствовать себя ближе к соседу — и каждому кажется, что для этого лучшее средство отмежеваться от другого соседа. Когда двое считают, что любят друг друга, они не только смотрят друг на друга, они еще следят, чтобы партнер не смотрел ни на кого другого (а если смотрел бы, то только с мыслью “а моя (мой) все-таки лучше”). Семья, дружеский круг, дворовая компания, рабочий коллектив, жители одной деревни, люди одних занятий или одного достатка, носители одного языка, верующие одной веры, граждане одного государства — разве не одинаково работает этот психологический механизм? Всюду смысл один: “Самые лучшие это мы”. Еще Владимир Соловьев (и, наверное, не он первый) определил патриотизм как национальный эгоизм.

Ради иллюзии взаимопонимания мы изо всех сил крепим реальность взаимонепонимания — как будто она и так не крепка сверх моготы! При этом чем шире охват новой китайской стены, тем легче достигается цель. Иллюзия единомыслия в семье или в дружбе (как встречающееся выражение “я и мои друзья” — *С.Н.*) — на каждом шагу она будет спотыкаться о самые бытовые факты. А вот иллюзия классового единомыслия или национального единомыслия — какие триумфы они справляли хотя бы за последние два столетия! При этом природа не терпит пустоты: стоило увянуть мифу классовому, как мгновенно расцветает миф националистический³.

Полагая, что личность имеет только одну обязанность — понимать, Гаспаров считает, что «споры никогда или почти никогда не приводят к полному единомыслию». Да и о каком полном единомыслии или взаимопонимании может идти речь, если любой человек — индивид, неделимый, монада. Он — всегда другой, «неведомая душа». В таком случае зачем нужны споры? «Затем, — отвечает Гаспаров, — что они учат нас понимать язык друг друга. Сколько личностей, столько и языков, хотя слова в них сплошь и рядом одни и те же. Разбирая толстую стену взаимонепонимания по камушку с двух сторон, мы учимся пони-

³ *Гаспаров М.Л.* Обязанность понимать («Путь к независимости и права личности» — дискуссия в журнале «Дружба народов») // <http://www.nevmenandr.net/scientia/gasparov-obiasannost.php>. С. 2.

мать язык соседа — говорить и думать, как он. Чувство собственного достоинства начинается тогда, когда ты растворяешься в другом, не боясь утратить собственную “самость”. От нее никуда не уйти именно вследствие индивидуальности, монадности. «Почему Рим победил Грецию, хотя греческая культура была выше? Один историк отвечает: потому что римляне не гнушались учиться греческому языку, а греки латинскому — гнушались. Поэтому при переговорах римляне понимали греков без переводчика, а греки римлян — только с переводчиком. Что из этого вышло, мы знаем»⁴.

⁴ *Гаспаров М.Л.* Обязанность понимать («Путь к независимости и права личности» — дискуссия в журнале «Дружба народов») // <http://www.nevmenandr.net/scientia/gasparov-obiasannost.php>. С. 3.

ИДЕЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО К ИММАНЕНТНОМУ. О ФИЛОСОФИИ В СССР ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Тенденциозный «разгон»

Что стоит за словами (позади слов) «философия в СССР»? Совершенно очевидно: желание сказать, что никакой собственно советской философии не было. Понятен пафос тех (мой в том числе), кто понимает под словом «советский» «тоталитарный», «гулаговский», «расстрельный», «подлый» и прочие подобные характеристики, кто видит в В.И.Ленине палача всякой «добротной» философии, читай — немарксистской, но если и марксистской, то на ленинский лад. И в этом правда, притом не сермяжная. Если бы не много возникающих «но».

До 1922 г., т.е. до отплытия печально известного «философского парохода», гулял, если использовать старые штампы, «свежий ветер революции», чаемой не только высокопрофессиональными рабочими, но интеллигенцией. Идеологическая хватка была, но объятая еще не были столь широко распахнуты¹, чтобы на корню задавить появившиеся тут и там литературные группы, теософские и философские кружки и общества, хотя попытки навязать одно-единственное правильное мировоззрение у революционной верхушки были изначально, эта идеология вырабатывала свои «идеологемы» и клише («вся власть Советам», «заводы рабочим, земля крестьянам», «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», затем «народ и пар-

¹ В 1921 г. был расстрелян поэт Н.С.Гумилёв, а в 1925 г. вышел сборник его стихов — сейчас это кажется событием чрезвычайным.

тия едины», «верной дорогой идете, товарищи»). Настойчивые идеологемы, превращаемые в слоганы, образовывали в Шестидесятые годы XX в. комичные жестовые выражения. На борту одного грузовика могло быть начертано: «обгоним Америку по мясу, маслу и молоку», а на борту следом идущего: «не уверен – не обгоняй». Выражение Ленина «редиска», употребленное в адрес Г.В.Плеханова, который снаружи-де красный, а внутри белый, было истолковано писательницей В.Токаревой в фильме «Джентльмены удачи» как «нехороший человек» и стало излюбленным эвфемизмом интеллигенции Семидесятых. По сути, перед нами воплощение *реалистической* тенденции, выработанной средневековьем: *общее до вещи*; общее, идея были приняты как *некая законодательная акция* до того, как была создана сама вещь – социализм (коммунизм). Более того, оно (общее) не проходило никакой верифицирующей процедуры. Там, где идея оскальзывалась, уничтожали людей, а не изменяли идею. Вера и разум не сотрудничали. Вере был отдан приоритет, но вере выхолощенной, мертвой и нежизнеспособной.

В Семидесятые годы и позже интеллектуальное состояние выросших в таких условиях людей оценивали как «двоемыслие» (дома одно, а на работе другое). Это и так и не так, ибо *таким* оно могло быть у тех, кто прекрасно осознавал реальное положение дел, но делал ставку на выживание, огромное большинство поступало в соответствии с идеологемами, выключив аппарат понимания, включив только рассудочную деятельность, необходимую для конкретной дисциплины или конкретного исполнения рабочего задания. Я хорошо помню случай, происшедший на поминках одной старой женщины, оглохшей во время войны и тихо и безропотно работавшей гардеробщицей. Человек, предложивший ее помянуть, не выполнял в этот момент партийного задания. Сидя среди горевавших родственников и сам будучи ее племянником, он сказал: «Помянем тетю Маню, верного строителя коммунизма».

Однако, чтобы воспитать самую возможность появления такого сознания, требовалось время, которое, кстати сказать, оказалось не столь уж великим, ибо *государственность*, в свою очередь требовавшая полной причастности (неотстраненности от) власти, издревле воспитывалась в России, которую не могли

искоренить ни либерализм некоторых мыслителей, ни даже желание царствующих особ даровать свободы. Словно в ответ мгновенно происходили события, сводившие на нет всю эту либерализующую деятельность (террористические акты, бунты, революции). Поскольку гражданского общества не было, не было и широко развитого обсуждения многих назревших проблем.

Много написано о возможностях, которые нес в себе XIX и начало XX в. для формирования той идеологии, которая сложилась за 70 лет советской власти и в которой не всегда и не во всем повинен марксизм. Первой работой К.Маркса, получившей известность в России второй половины 40-х гг. XIX в., была работа «К критике гегелевской философии права». Профессор Киевского университета Н.И.Зибер (1844–1888) пропагандировал его экономическое учение, он же первым откликнулся на труд Ф.Энгельса «Анти-Дюринг». Первым русским марксистом можно назвать Плеханова. Более того, чтение Маркса обусловило во многом то, почему в России в будущем стали много заниматься философией Г.В.Ф.Гегеля и И.Канта вопреки требованиям ортодоксального, прежде всего ленинского, марксизма. П.Струве призывал вернуться «назад к Лассалю, к его идеализму, ведущему от Гегеля к Фихте», а Э.Бернштейн, выступивший с критикой марксизма, который, по словам П.Юшкевича, «имел тенденцию стать цельным мировоззрением», выдвинул тезис «назад к Канту», подхваченный так называемыми «легальными марксистами», тем же П.Струве, С.Булгаковым, М.Туган-Барановским и др., которые отстаивали концепцию социализма как социальной утопии, основанной на кантовском «категорическом императиве»². Более того, марксизм связывали с христианской доктриной вследствие его эсхатологической установки на установление коммунизма, в котором можно было усмотреть достижения атеистического земного рая, что, кстати, обеспечило ему симпатии населения. Сниженная сакральная установка, трансляция духовных категорий в категории материальные, опора на будущее время, когда «здесь будет город-сад», оказались мощным рычагом воздействия на нищее сознание. Я са-

² См. статью В.Хлудова «Марксизм в России» в Малом энциклопедическом словаре «Русская философия» (М., 1995).

ма писала о метаморфозах российского исторического сознания в своей книге «Тропы и концепты» (М., 1999) и в коллективном труде «Наука и тоталитарная власть» (М., 1990).

Сейчас я хотела бы обратить внимание еще на одну тенденцию, с этим связанную, в значительной мере препятствующую образованию гражданского общества (чему, впрочем, способствуют «необъятные просторы нашей родины»; как говорил П.А.Вяземский: у нас от мысли до мысли тысяча верст; и сейчас это не отменяет ни радио, ни телевидение, ни прочие СМИ). Стало тривиальностью говорить, что Россия — поле действия культуры, а не цивилизации, ее (культуры) неперменной почвы. Но опора на культуру в том ее виде, как она расцвела в России, требовала не столько опоры на традицию, сколько на самого себя. Задавленная крепостничеством, государственностью, властным произволом, бесправием Россия (как и Германия) сделала ставку на идею культуры, принимая единственную форму зависимости — от языка, который всегда старше человека, преобразующего этот общий язык во внутреннюю речь, обращенную к самому себе и одновременно к самому отдаленному от себя.

Иногда считается, что именно такая двуполусность я-не я и несет в себе силу освобождения от имперской государственности, религиозности и пр. Если человек не обособился в монаду (слова Маркса, критиковавшего идею гражданского общества), если объединился с другими людьми не по принципу свободного выбора, то он якобы превращается вместе с ними в «исходную общинную, доиндивидуалистическую медузную магму». Если же сосредоточился, т.е. стал собственно индивидуом, значит — особым, неделимым, то здесь, возможно, завяжется узел будущей гражданственности³.

Я думаю, что дело и проще и сложнее, ибо и община — не нечто медузное (в работе о «Салическом законе», который действительно был общинным законом, я пыталась показать его

³ См. об этом: *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М., 1997. Особенно статьи «О гражданском обществе и общественном договоре» и «Национальная русская идея». У Маркса, кстати, речь не об общинной магме, а об общественном целом.

прецедентность, опору на индивидуальность, зависимость принятия решений от позиции одного лица⁴), и от моего свободного решения зависит, принять участие в гражданском обществе или от него отказаться. Когда Цицерон, гражданин Рима, говорил, что человек может считать себя предопределенным, а может считать себя свободно поступающим, к каковым он относил себя⁵, он, конечно, в основание ставил первично свободное решение, иначе человек не мог и именоваться разумным смертным животным. Но при этом он справедливо полагал, что признание свободы за каждым предполагало отказ от *рефлексии* по этому поводу, и отсутствие таковой не делало первых не гражданами Рима. Таковыми их делал закон. Свободный разговор свободно определившихся людей не означает даже возможностей *взаимопонимания*, но *может лишь* вести к пониманию, ибо между я и другим всегда пролегает *ничто*. Внутри себя я, конечно, встречаю нечто другое (для этого не нужны никакие границы), но большой вопрос, является ли это другое моим «я». На этот вопрос не ответили ни Августин, желавший встретить внутри себя Христа, ни многие другие религиозные философы и историки конца XIX — начала XX в. (например, Н.А.Бердяев, Л.П.Карсавин). Майстер Экхарт, например, полагал, что, поскольку взгляд человекаотягощен изменчивыми вещами внешнего мира, внутри себя он может обнаружить только образ *того, о чем речь*, а не само *то*, другое ли это я или Бог.

И тем не менее опора на себя, основанная, как писал В.С.Библер, на «речевом схематизме», находящемся «в собственности» одного человека и вынуждавшая выбирать собственную судьбу, сыграла свою роль в распадении интеллигенции — в силу ориентации на *ум*, опору этого общественного слоя, привыкшего все мерить интеллектом, — на отдельно взятых интеллигентов. Сыграла свою роль прежде всего в том, что произошел экзистенциальный отказ от накопленных в дореволюционный период воззрений, ослабивший человека, попавшего в

⁴ См.: *Неретина С.С.* Верующий разум. Книга бытия и Салический закон. Архангельск, 1995.

⁵ См. о споре Августина с этой позицией Цицерона в: *Аврелий Августин*. О Граде Божием. Т. I. Кн. V. Гл. IX—X. М., 1994. С. 249—259.

революционное жерло и понимавшего, что революция пожирает своих детей. Возникшие в России почти сразу после Октября малые группы интеллигентов, в которые сколачивались люди, пытаясь осуществить свой выбор, не могли противостоять сплоченной партии большевиков, набравшей силу и вес в связи с организацией и подчинением ей силовых структур. И речь не о вине интеллигенции, которую мы долго мусолили, она, довольно малочисленный слой, и не могла взять на себя ответственность за свершившееся. Речь идет о слабости всех прочих общественных сил, о силе нищеты (не только нищеты философии, но самой обыденной человеческой нищеты, не способной — именно в силу нищеты — критически оценивать идеологию, несущую хоть на миг удовлетворение насущных потребностей в крове, еде и одежде). Не стоит к тому же недооценивать воспитание православием, согласно которому можно достичь Бога сразу, одномоментно. Если посмотреть лексику российских философов культуры, даже нерелигиозных, то слова «прыжок», «разгон», «скачок» там не просто встречаются не единожды, но насущно необходимы.

Невельской кружок М.М.Бахтина — М.И.Кагана («Кантовский семинар», обуславливающий и неокантианские искания и искания русской религиозной философии), Петербургский кружок А.А.Мейера (1875—1939) «Воскресение», куда входили и некоторые историки «школы Гревса» (например, А.П.Анциферов, В.С. и А.Д.Люблинские, Г.П.Федотов, один из организаторов этого кружка), разогнанной в силу того, что большинство историков было кадетами, а с кадетской партией велась непримиримая борьба — все эти кружки пытались проанализировать возможности, связанные с разработкой идеи культуры⁶. Мейер еще в 1916 г. выступил с идеей общения как творчества, одним из первых в России поставив проблему диалога в культуре, со-

⁶ О «школе Гревса» подробнее см.: *Каганович Б.С.* И.М.Гревс — историк средневековой городской культуры // *Городская культура: Средневековье и начало Нового времени.* М., 1986; *Неретина С.С., Огурцов А.И.* Время культуры. М., 2000; *Шкаровский М.В.* Религиозно-философские кружки, братства и общества Ленинграда в 1920-х годах // *Вестн. Рус. Христиан. Гуманитар. академии.* 2007. № 8(2).

пряженную с необходимостью установления приоритета жизненного начала над интеллектуальными построениями. Он полагал, что в современной ему России, занятой «творчеством универсального государства» (мысль, созвучная и России начала XXI в.), искажается понятие личности, изначально имевшее, по его представлению, «религиозный смысл»: «Там, где творится универсальное государство, идет на убыль проявление личности»⁷. Он полагал, что идея личности заключалась в сути христианства, хотя оно никогда не подчеркивало этого понятия. «Дехристианизированное» же «сознание, напротив, «с особенной охотой останавливалось на понятии личности», вытравливая ее религиозный смысл, но окружая его, как мы теперь уже знаем, своего рода светским культом, труднее всего вытравливаемым, потому что он связан не с невиданным, а с конкретным — вот здесь и вот сейчас живущим — человеком. Долгое время не замечая революции, шествовавшей по стране, но зато замечая перемены, проходившие в военной России, Мейер боялся не столько революционных потрясений, сколько религиозного опустошения. А.А.Блок записывал за ним: «Опустошение самого дела революции — вот опасность. Для того, чтобы быть сейчас с революцией, нужно быть немного марксистом» — состояние, близкое многим мыслящим людям того времени. «Величайшая положительная сторона марксизма — то, что он не останавливается на **просто** политическом перевороте, он предполагает продолжение. Величайшая отрицательная сторона — нечувствие свободы, материалистическое отрицание личности; а есть только свобода личности, иной свободы нет»⁸. В статье «Тактика и этика», написанной примерно в это же время, Д.Лукач ставит те же проблемы. Это были проблемы эпохи — свобода, необходимость государственного преобразования, требовавшая поступка, появление симулякров как status quo. «...Я долго с Мейером говорила, — записала его современница 22 августа 1917 г. — Вот его позиция: **никакой революции у нас не**

⁷ Мейер А.А. Философские соч. Париж, 1982. С. 14.

⁸ Выдержки из «Записных книжек. 1901–1920» А.Блока воспроизведены по предисловию С.Далинского к книге: Мейер А.А. Философские соч. С. 14.

было. Не было борьбы. Старая власть саморазложилась, отпала, и народ оказался просто голым. Оттого и лозунги старые, вытасканные наспех из десятилетних ящиков⁹. Новые рождаются в процессе борьбы, а процесса не было. Революционное настроение, ища выхода, бросается на призраки контрреволюции, но это — призраки, и оно — беспредметно¹⁰. Призраки, как оказалось, обладают большей сокрушительной силой, чем сама действительность, как, собственно, любое в духе средневекового реализма навязывание общего (идеи) вещи: не случайно он читал доклады «Слово у средневековых реалистов», «Сила слова (Рождение действия из слова)». Хотя в 1918 г. Мейер приглашал внимательно отнестись «к голосу жизни и принять его требования», считая одним из грехов социализма «отвлеченно-государственные тенденции», хотя он работал на курсах П.Ф.Лесгафта, в Вольной философской ассоциации, в Институте Живого Слова, готовившем актеров, судебных ораторов и др., в 1928 г. он был арестован, приговорен к расстрелу, замененному заключением на Соловках, затем в Белбалтлаге, по зачетам освобожден в 1935 г. и умер в 1939-м от рака.

И это, разумеется, не единственный случай. Такая же борьба велась и с «евразийцами», «сменовеховцами», идеалистами и позитивистами. Почему эта борьба увенчалась успехом группировок, часто безосновательно выступавшими от имени марксизма, как о том написано в Новой философской энциклопедии (НФЭ) в статье «Философия в СССР и в постсоветской России»? Николай Михайлович Бахтин (1894—1950), старший брат Михаила Михайловича Бахтина, близкий друг Витгенштейна, нелюбитель большевиков и Марселя Пруста, доктор филологии, преподававший в Бирмингеме, сказал, что в то время, которое он назвал временем сосуществования «противоположных и независимых начал», «ни одна из этих идей (в данном случае — идей упомянутых школ. — *С.Н.*) не доросла до подлинной реальности, не стала движущей и повелевающей силой, но все они пребывают в состоянии какой-то абстракт-

⁹ Я писала об этих старых лозунгах в книге «Тропы и концепты» (гл. «Метаморфозы исторического сознания, или От дела-призрака к делу-насилию»).

¹⁰ *Мейер А.А.* Философские соч. С. 15.